

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4490.

Воскресенье, 20^{-го} Декабря, 1898 г.

№ 4490.

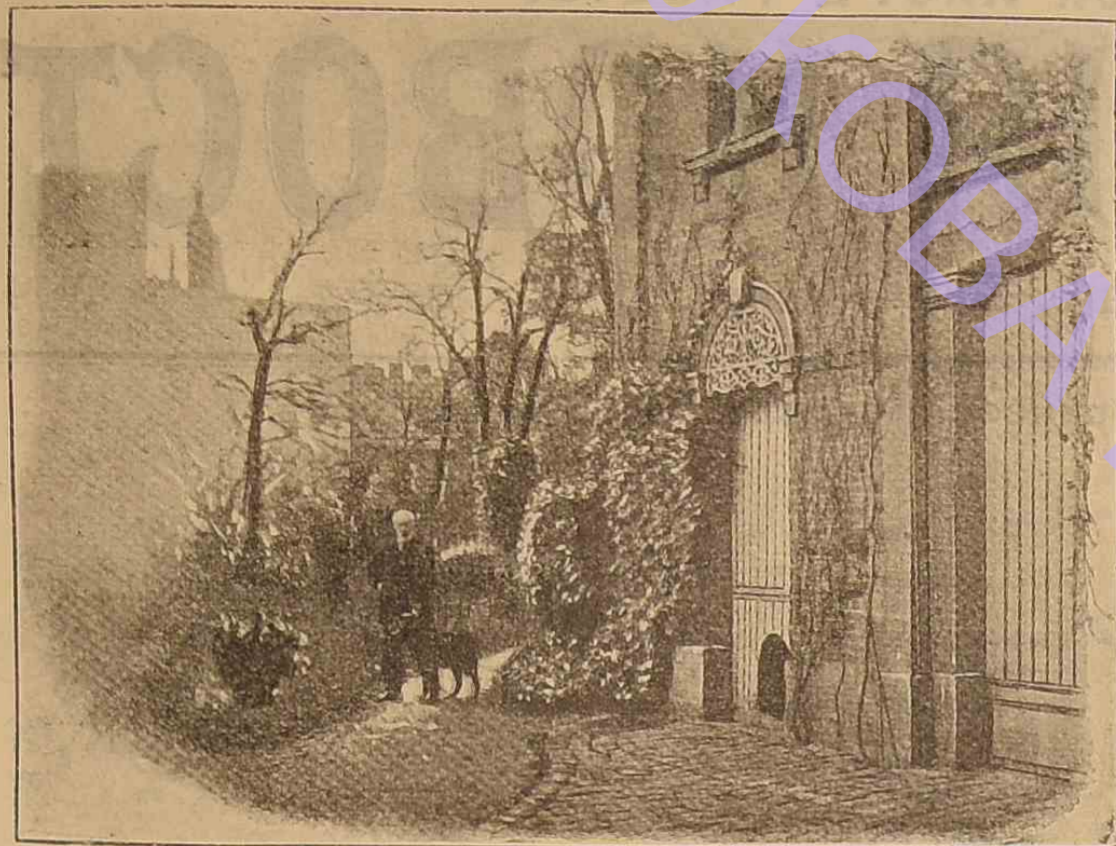
Первый бальнеологическій съездъ въ С.-Петербургѣ.

А. А. Вериге,
предсѣдатель съезда.

Его Императорское Высочество Великій Князь Павелъ Александровичъ,
Августѣйшій Покровитель съезда.
Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ,
почетный предсѣдатель съезда.

Д-ръ О. О. Мочутновскій,
товарищъ предсѣдателя съезда.

Жюль Вернь въ своемъ саду.

ЖИЛЬ ВЕРНЬ У СЕБЯ ДОМА.

Извѣстный французскій журналистъ Адольфъ Брессонъ рассказываетъ о способѣ писанія Жюля Верна въ Амьенѣ, гдѣ знаменитый романистъ тихо проживаетъ въ семейномъ кругу на своей прекрасной виллѣ. Прибывъ туда, рассказываетъ Брессонъ, я замѣтилъ на верандѣ какую-то фигуру, спускающуюся внизъ по лѣстницѣ. Это оказался самъ Жюль Вернь. Онъ ввелъ меня въ салонъ, гдѣ меня приняла весьма любезно его супруга и тотчасъ же пригласила въ небольшую комнату, гдѣ на столѣ стоялъ уже завтракъ. Жюль Вернь питается только яичами и зеленью и совершенно не ѣстъ мяса. За столомъ мы вспоминали о событіяхъ прошлаго и настоящаго; Жюль Вернь состоитъ муниципальнымъ совѣтникомъ въ Амьенѣ и отличается необыкновеннымъ усердіемъ, посѣщая всѣ засѣданія думы. Госпожа Вернь дѣлитъ свое время между дѣлами благотворительности и театральными развлеченіями; она имѣетъ постоянную лодку, которая рѣдко остается беззанятою. Жизнь обоихъ супруговъ течетъ спокойно, мирно, и ничто не нарушало этого спокойствія въ теченіе полулѣтя. И супруги надѣются, что долго еще ничто не смутитъ ихъ мира. Два часа разстоянія отдѣляютъ Амьенъ отъ Париза, и они не испытываютъ даже желанія посмотрѣть на Эйфелеву башню. — Къ чему это? — говоритъ госпожа Вернь, и при этихъ словахъ на лицѣ ея супруга свѣтится необычайная мягкость, доходящая почти до робости.

Жюль Верну очень легко дается его литературная карьера. Еще въ студенческіе годы онъ написалъ шесть трагедій и отправился въ Паризъ попытать тамъ счастья. Вскорѣ ему удалось познакомиться съ Александромъ Дюма и въ сообществѣ съ послѣднимъ написать одноактную комедію, которая, благодаря содѣйствію отца Дюма, была поставлена на сценѣ Историческаго театра и имѣла значительный успѣхъ. Благодаря приобретеннымъ связямъ, онъ получилъ мѣсто секретаря въ Лирическомъ театрѣ и имѣлъ возможность встрѣчаться тамъ съ выдающимися представителями искусства. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ литературныхъ попытокъ онъ сталъ мечтать о славѣ Бальзака и хотѣлъ проникнуть въ

самую глубину основъ современнаго общества, но издатель Гетцель убѣдилъ его не поддаваться этимъ влеченіямъ и заняться писаніемъ романовъ, обязавъ его представлять ежегодно по два романа. Жюль Вернь подписалъ контрактъ и сталъ творить съ регулярностью природы; разницы только въ томъ, что онъ собираетъ въ теченіе года двѣ жатвы: весною и осенью. Ничто не препятствуетъ этой творческой работѣ. Война, революціи потрясли Францію, но не вырвали пера изъ рукъ этого неутомимаго труженика. Жюль Вернь написалъ уже 77 томовъ; 78-й томъ расцвѣтетъ вмѣстѣ съ розами, 79-й томъ созрѣетъ съ виноградомъ и, если угодно будетъ судьбѣ, сотый томъ увѣнчается черезъ 12 лѣтъ всю серію романовъ.

Жюль Вернь работаетъ надъ своими произведеніями съ большою тщательностью. Онъ нѣсколько разъ переписываетъ рукопись, прежде чѣмъ сдать ее въ типографію. Каждая страница его рукописи содержитъ въ себѣ массу оцѣнокъ, поправокъ, сдѣланныхъ карандашомъ. Онъ долго обдумываетъ свои романы и приступаетъ къ писанію только тогда, когда въ его воображеніи носится уже всѣ перипетіи романа. Но ему достаточно мѣлкаго факта, сообщенія, слуха, чтобы вызвать фантазію къ творческой работѣ. «Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней» онъ написалъ подъ впечатлѣніемъ появившагося въ газетѣ объявленія. Когда у него составленъ планъ романа, онъ запасается соответствующими техническими трудами и погружается въ ихъ изученіе. Это самый трудный для него фазисъ работы. Все остальное уже пустяки.

Вотъ какъ проводитъ свои дни Жюль Вернь. И этотъ фантазеръ, который изумительно точно индукціей предугадывалъ подводное и воздушное плаваніе, телефонъ, фонографъ и другія изобрѣтенія нашего времени, въ обыденной жизни лишь спокойный мечтатель, разсудительный философъ и прекрасный муниципальный совѣтникъ!

ДУЭЛЬ.

А. Машновскаго.
(Съ ильмекаго).

На опушкѣ зеленаго лѣса остановилось три экипажа. Нѣсколько весьма корректныхъ джентльменовъ вышли и направились къ лѣсной опушкѣ.

Всѣ они выглядели необыкновенно торжественно: было 8 часовъ утра, очевидно готовилась дуэль.

Требуемые десять шаговъ дистанціи были отмѣрены; оба дуэлиста, каждый съ своимъ заряженнымъ пистолетомъ, заняли позицію и ждали сигнала.

Общество привезло съ собой маленький столикъ, на которомъ предполагалось редактировать протоколъ дуэли. А пока врачъ поютилъ на немъ свои перевязки и ящикъ съ инструментами.

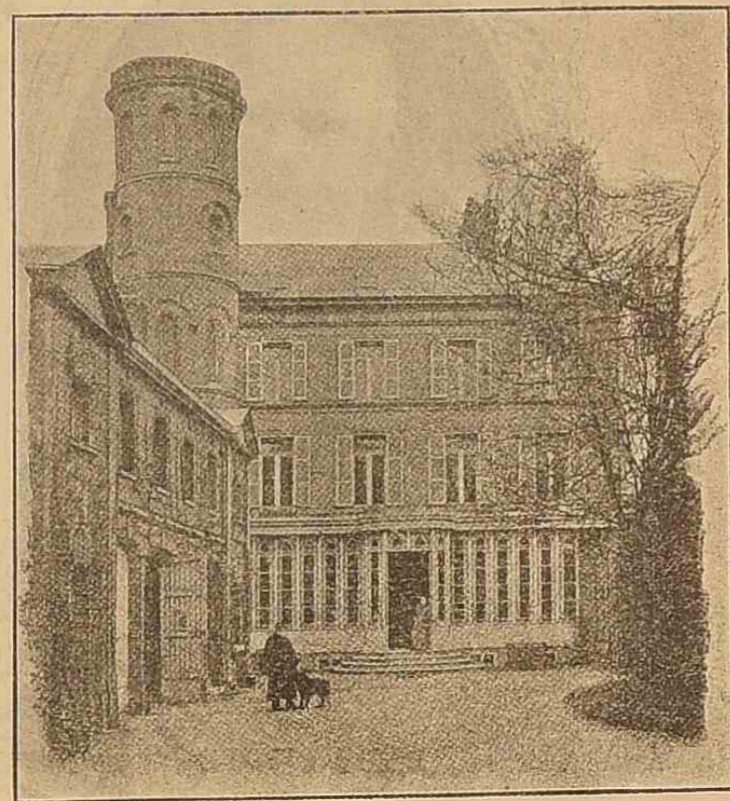
— Прошу слова, — сказалъ одинъ изъ секундентовъ въ послѣднюю минуту. Это былъ господинъ Вольфъ, представитель интересоваго вызвавашаго.

— Вамъ угодно? — спросилъ предсѣдатель.

— По моему убѣжденію, — сказали Вольфъ, — секунданта передъ началомъ имѣютъ полное право еще разъ переговорить, дабы избѣжать пролитія крови. Я поэтому въ послѣдній разъ предлагаю господину фонъ-Цобелю, противнику моего довѣрителя, взять назадъ свои гнусныя, оскорбительныя слова и просить извиненія у моего друга Мейера.

Секунданта противной стороны, господинъ фонъ-Грѣвенець отъ имени своего довѣрителя отвѣтилъ, что послѣдній вовсе не намѣренъ извиняться. Скорѣе это — дѣло господина Мейера отказаться отъ рѣшенія спора оружіемъ, такъ какъ именно его непристойнымъ поведеніемъ господинъ фонъ-Цобель вызванъ былъ къ тому, что даль ему кличку «осла».

— Не въ кличкѣ дѣло, — вмѣшался тутъ господинъ Мейеръ. — Какъ вамъ

Домъ Жюля Верна.

Жюль-Вернь.

всѣмъ извѣстно, я металъ въ клубѣ банкъ въ компаніи съ господиномъ фонъ-Цобель, на условіи — выигрывать и проигрывать пополамъ. Въ первую же талію у меня въ рукахъ оказывается восьмерка; я до ошибкѣ принимаю ее за семерку и возвращаю столъ протестующе для игрока „jeu donne“, вмѣсто того, чтобы просто раскрыть...

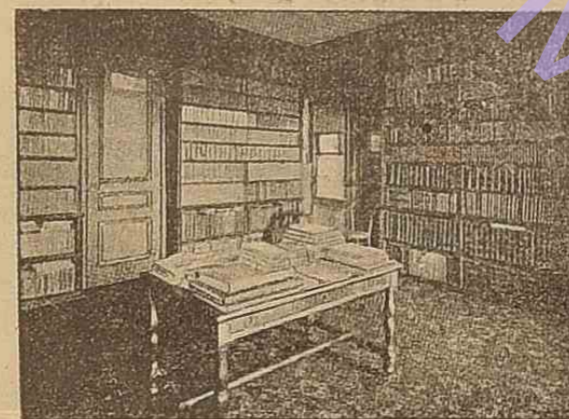
— Что принесло мнѣ, — дополнилъ Цобель, — чистаго убытку въ 500 марокъ; а кто не въ состояніи отличить семерку отъ восьмерки, тотъ не долженъ метать банкъ, и кто съ такого рода недостаточной способностью распознаванія садится въ баккара играть, есть и будетъ въ моихъ глазахъ оселъ!

Еще разъ секунданта Вольфъ сдѣлалъ попытку примиренія.

— Ни въ какомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — не можетъ быть здѣсь рѣчи о томъ, будто мой довѣритель не обладаетъ достаточной способностью отличить семерку отъ восьмерки. Несчастье произошло оттого, что онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло посмотрѣлъ на обѣ карты, на пятерку и тройку. Пятерка закрыла тройку, и такимъ образомъ случилось...

— Я не отрицаю возможности, — прервалъ Грѣвенець, — чтобы когда-нибудь пятерка могла совершенно прикрыть собою тройку...

— Я сейчасъ же могу вамъ доказать, — возразилъ Вольфъ, — что даже самому опытному игроку въ баккара при извѣстномъ положеніи картъ невозможно съ перваго взгляда математически точно опредѣлить число очковъ. Къ

Библіотена Ж.-Верна.

счастью, карты со мною; господинъ предсѣдатель, надѣюсь, охотно позволитъ сдѣлать маленький перерывъ?

Моментально былъ очищенъ столъ отъ перевязокъ и медицинскихъ инструментовъ, и джентльмены расположились вокругъ него, чтобы разрѣшить спорный вопросъ съ необходимымъ матеріаломъ въ рукавъ.

— Вы проиграете, — сказала господинъ фонъ-Грѣвенець. — Предположимъ для примѣра, я мечу банкъ. Я обязуюсь въ четверть секунды рассмотреть свои карты и не сдѣлать ни одной ошибки, а въ подтвержденіе своихъ словъ кладу въ банкъ 200 марокъ.

— Ставлю 100! — воскликнулъ Вольфъ, внося означенную сумму.

Грѣвенець медлилъ сдавать карты. — Развѣ никто не дополнитъ? — спросилъ онъ.

— Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать истинность нашего убѣжденія, — отвѣтилъ Мейеръ, — то да позволено будетъ и мнѣ присоединить малую толику.

И съ этими словами положилъ на столъ сорокъ марокъ.

— Остальное за мной, — объявилъ врачъ сухо.

Грѣвенець выигралъ. — Я, конечно, дамъ отыграться, — говорилъ онъ великодушно, собирая въ кучу деньги. Четыреста марокъ въ банкъ!

Счастье не покидало его. Игра продолжалась, и Грѣвенець пять разъ подрядъ выходилъ побѣдителемъ. Затѣмъ бразды правленія перешли къ Цобелю, и этотъ вѣрныхъ четверть часа продолжалъ метать съ тѣмъ же успѣхомъ, при чемъ Грѣвенець, перейдя въ противную партію игроковъ, часть своего выигрыша возвратилъ.

Вдругъ сталъ накрапывать дождикъ. Въ нѣсколько минутъ онъ превратился въ самый настоящій ливень. Нечего дѣлать, и Вольфъ сталъ укладывать свои карты.

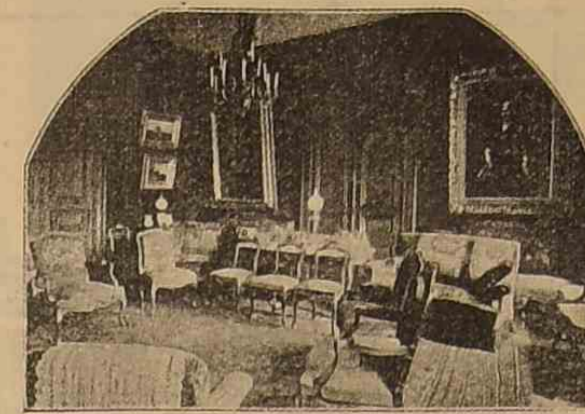
Но Мейеръ запротестовалъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ.

— Милостивые государи, вы, надѣюсь, не станете требовать, чтобы я съ минусомъ въ двѣсти марокъ прекратилъ игру и лишь потому, что небу угодно было вспрыснуть наши карты! Я требую продолженія въ сухомъ мѣстѣ! — Такъ поѣдемте въ клубъ, — сказалъ Вольфъ.

Черезъ полчаса все общество сидѣло уже за своимъ испытаннымъ за всегдательскимъ столомъ въ одной изъ клубныхъ комнатъ и съ свѣжими картами въ рукахъ продолжало прерванную игру. Но перемена мѣста имѣла своимъ послѣдствіемъ и полную перемену счастья, компасъ котораго упорно и исключительно указывалъ на господина Мейера, какъ на избранника своего.

Въ концѣ концовъ, часамъ къ двѣнадцати господинъ фонъ-Цобель спустилъ Мейеру свою послѣднюю ассигнацію, всталъ и съ крикомъ „я убитъ!“ бросился на облитый зеленой клеенкой диванъ.

Въ этотъ моментъ вспомнилъ Вольфъ

Спальня Ж.-Верна.

настоящую дѣль полубьянаго утра и съ выраженіемъ истиннаго изумленія воскликнулъ:

— Богъ мой, какъ же это теперь съ дуэлью!

— Съ какой дуэлью? — спросилъ Грѣвенець, разсѣянно закуривъ сигару. — Съ дуэлью Мейера contra Цобель, — отвѣтилъ Вольфъ. — Вы вѣдь не можете отрицать, что вопросъ этотъ остался открытымъ!

Тутъ только вспомнили всѣ, съ какой они собственно дѣлю собрались.

— Я отъказываюсь продолжать споръ, — говорилъ Мейеръ: — я поклялся, что виновникъ клички „оселъ“ дорогою заплатится, и я, какъ видите, получилъ полное удовлетвореніе: онъ лежитъ, по его собственному выраженію, „убитый“ на зеленомъ полѣ!

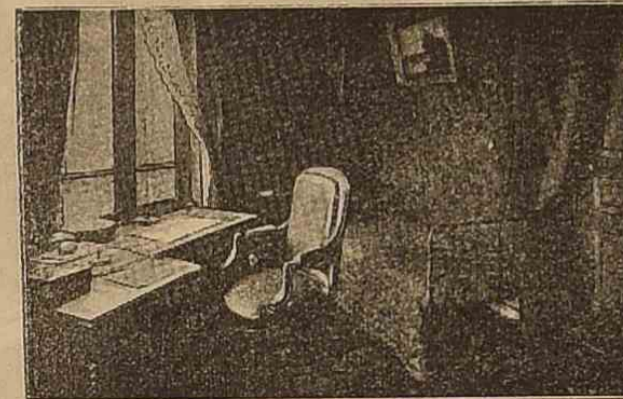
Тотчасъ Вольфъ потребовалъ двѣ бутылки вина. Примиреніе было отпраздновано по всѣмъ правиламъ искусства при звонахъ стакановъ. Демону карточной игры, который въ рѣшительную минуту какимъ-то волшебствомъ предупредилъ бесполезное пролитіе крови, было повозглашено „ура“. И наконецъ, присутствующіе вписали въ свой клубный уставъ новый параграфъ:

„Всякій разъ, когда два члена клуба вопросъ чести должны будутъ рѣшить оружіемъ, секунданта обязуются брать съ собой на поле брани игральный карты“.

У ОКНА.

Разсказъ Уэльса.
(Съ англійскаго).

Когда вправилъ Бейлаю ноги, его отнесло въ студию и положили на диванъ у открытаго

Спальня Ж.-Верна.

Здание военно-медицинской академіи въ С.-Петербургѣ.
(По случаю 10-лѣтія существованія академіи).

Академикъ В. В. Пашутинъ,
начальникъ военно-медицинской академіи.

окна, обернувъ его, какъ мумію, до половины тѣла бѣлыми покрывалами. Онъ пробовалъ читать, даже писать но большую часть дня смотрѣлъ въ окно.

Ему пріятно было такъ лежать, и онъ часто благодарилъ Бога за такое утѣшеніе. Въ комнатѣ было довольно темно, въ стеклахъ ясно отражались мебель и всѣ вещи. Лекарства и питье его стояли на столѣ около него тутъ же обѣденный вѣтокъ винограда, зола сигарки на зеленой тарелочкѣ и вчерашняя газета. Видъ изъ окна былъ облитъ свѣтомъ; съ боку видѣлась вершина акаціи, а у ея подножія балконъ съ желѣзною рѣшеткою. Немного дальше, на первомъ этажѣ, текла серебрястая рѣка, всегда весьма пріятно журчащая. Противоположный берегъ видѣлся, покрытый камышемъ, за нимъ ржаное поле, густой лѣсъ, вдали полоса тополей

обрисовывала гибкій рѣки, а надъ ними возвышалась колокольня церкви.

На рѣкѣ весь день было очень оживленно: проходили то барки, нагруженные боченками пива для Лондона, то пароходы, выпускающая темный дымъ изъ трубъ и возмущая всю рѣку длинными каюкочушими волнами; то лодки любителей, то одинокой челнѣ или катеръ какого нибудь клуба. На рѣкѣ всего тише было утромъ, рано или поздно вечеромъ, но при лунномъ свѣтѣ проплывали шкуны, гдѣ пѣли или играли на цитрѣ, и звуки музыки пріятно раздавались по водѣ.

Спустя нѣсколько дней Бейлей началъ узнавать нѣкоторыхъ изъ матросовъ, а черезъ недѣлю уже зналъ интимную жизнь полулюдины изъ нихъ. «Людонъ», барка Фицджеральда, проходила три, четыре раза въ день; она была выкрашена въ красную и желтую краску; на

ней служило два негра. Разъ, къ величайшему удовольствію Бейлей, большая лодка «Императоръ» остановилась у него въ виду и экипажъ завтракалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Другой разъ шкиперъ медленно идущей барки поссорился съ женою и прибилъ ее противъ самаго окна. Бейлей забавлялся этимъ зрѣлищемъ, забывая свою болѣзнь. Экономка, мистрисъ Гринъ, принося его кушанье, видѣла, какъ онъ одобрительно хлопалъ руками и восклицалъ: «Еще! еще!» Но дѣйствующія лица не слышали его словъ.

— Я никогда не думалъ, что буду такъ интересоваться вещами, вовсе до меня не касающимися,—говорилъ Бейлей Вилдерспину, который приходилъ развлекать его.—Я полагалъ, что это способность лишь старухъ дѣвъ и дѣтей, но, видно, все зависитъ отъ обстоятельствъ. Я

Джонъ Морлей. Эдвардъ Грей. Асквиль.

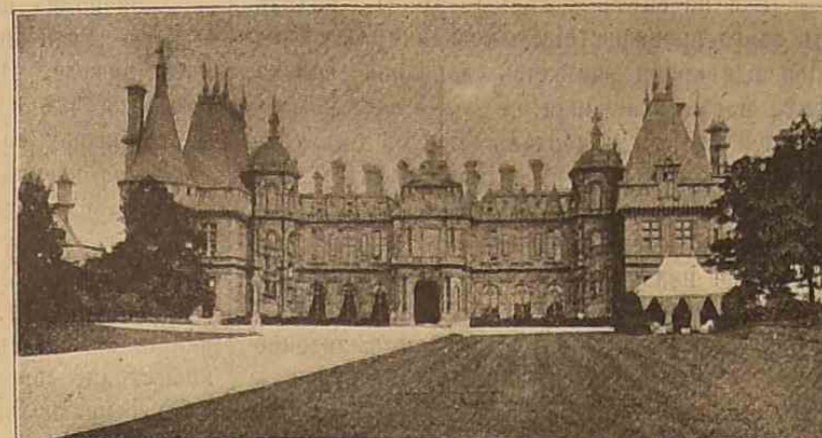
Лордъ Рилонъ. Лордъ Кимберлей. В. Гаркуръ.
Лордъ Розбери. Сэръ Банкерманъ.
Лидеры либеральной партіи въ Англии.

Артистъ Е. А. Недѣлкинъ,
(по поводу 25-ти-лѣтія сценической дѣятельности).
Съ фотогр. Горюхштейна. 3

Баронъ Ф. Ротшильдъ,
скончавшійся 8-го декабря.

Замокъ покойнаго барона Ротшильда.

не въ состояніи заниматься, охотъ и жаловаться не помогаешь, вотъ я лежу и забавляюсь, какъ ребенокъ, глядя на то, что происходитъ на рѣкѣ. Иногда, конечно, оно скучновато, но не часто. Я бы дорого далъ, Вилдерспинъ, за какое-нибудь крушеніе, только за одно маленькое крушеніе! Я видѣлъ бы головы упавшихъ въ воду, лодку, сплывающую на помощь, двухъ или трехъ людей со спасательными снарядами... А! вотъ шкуна Фицджеральда! У нея новый крючокъ, а черноморский негренокъ все сидитъ, задумавшись. Миѣ кажется, Вилдерспинъ, что онъ не совсемъ здоровъ уже два—три дня, онъ какъ-то странно косится и задумывается. Для него нехорошо все сидѣть и слѣдить за быстро текущею водою изъ-подъ кормы.

Они наблюдали за маленькимъ пароходомъ, скользящимъ по освѣщенной солнцемъ рѣкѣ; онъ на мигновеніе скрылся за акаціей, появился опять и потомъ пропалъ изъ вида.

— Я удивительно отчетливо сталъ замѣчать маляйшія подробности,—сказалъ Бейлей:—я сейчасъ увидѣлъ новый спасательный крючокъ. Второй негренокъ очень смѣшной маляшка, онъ не возился со старымъ крючкомъ, какъ съ новымъ.

— Что они, маляйцы?—спросилъ Вилдерспинъ.

— Право не знаю,—отвѣчалъ Бейлей,—миѣ кажется, всѣхъ этихъ черныхъ моряковъ называютъ ласкарами.

Онъ началъ рассказывать все, что зналъ про частныя дѣла лодки «Императоръ».

— Какъ смѣшно, что всѣ эти люди, пришедшіе со всѣхъ сторонъ свѣта, Азии, Африки, изъ Скотфорда и Виндзора, проходятъ мимо моего окна, точно будто только ради моего развлечения. Третьяго дня приплылъ какой-то человекъ, вышелъ на берегъ, поймалъ рака, потерялъ весло, напелъ его, поплылъ дальше и исчезъ. Вероятно я его никогда не увижу. Онъ, полагаю, лѣтъ тридцати или сорока, имѣеть свои заботы, а жилъ только для того, чтобъ минуты три подурничать передъ моимъ окномъ. Странно! не правда ли Вилдерспинъ?

— Да, странно,—отвѣчалъ посетитель. Дня черезъ два Бейлею выпало чрезвычайно оживленное утро, которое подъ конецъ стало слишкомъ потрясающимъ. Но начнемъ съ начала.

Бейлей былъ совершенно одинъ дома: экономка ушла въ городъ платить счеты, горничная отпросилась въ гости. Въ половинѣ десятаго пропала шляпка, потомъ лодка съ нѣсколькими людьми, но настоящее оживленіе началось послѣ десяти часовъ.

Что-то бѣлое показалося вдали, гдѣ тополи

Премированные экземпляры.
Интернаціональная выставка кошечекъ въ Мюнхенѣ.

обрисовываютъ поворотъ рѣки. «Что это, носовой платокъ?»—думалъ Бейлей.—Нѣтъ слишкомъ велико. Не флагъ ли?»

Но это не могло быть флагомъ; оно прыгало съ мѣста на мѣсто.

— Это человекъ въ бѣломъ шибко бѣжить сюда,—сказалъ Бейлей.—Вотъ счастье! Но какіе на немъ широкіе панталоны!

Тутъ случилась странная вещь: что-то красное блеснуло вдали между темными деревьями, сѣрый дымокъ показалося и потухъ. Человекъ въ бѣломъ сдѣлалъ скачекъ, но продолжалъ бѣжать. Затѣмъ раздался выстрѣлъ.

— Кой чортъ?—воскликнулъ Бейлей.—Точно въ него стрѣляютъ.

С. П. Крутиковъ,
извѣстный любитель дрессировщикъ лошадей.

С. П. Крутиковъ съ одной изъ своихъ лошадей.

И онъ сидѣлъ неподвижно, усиленно рема- триваясь.

Бѣлая фигура бѣжала черезъ рожи по тропинкѣ.

— Прости, Господи! это одинъ изъ негровъ Фиджибона, — замѣтилъ Бейлей, — но зачѣмъ онъ размахиваетъ руками?

Трое людей чуть-чуть видѣлись вдали на темномъ фонѣ деревьевъ.

На противоположномъ берегу вдругъ показались человѣкъ съ черною бороδοю, краснымъ поясомъ, флажеловой курткой и сѣрою пуховою шапкою. Онъ шелъ, нагнувшись впередъ, и тащилъ за собою на веревкѣ челонокъ; онъ внимательно слѣдилъ за бѣгущей черезъ рожи фигурою и вдругъ остановился. Бейлей видѣлъ, какъ онъ сильнѣе руками тащилъ веревку. На рѣкѣ раздавались голоса людей, еще не видныхъ.

— Что вы дѣлаете, Хачиоги? — спрашивалъ кто то.

Человѣкъ въ красномъ поясѣ крикнулъ что-то въ отвѣтъ, но ничего нельзя было разслышать; онъ продолжалъ тащить веревку, все оглядываясь на бѣгущую впередъ бѣлую фигуру, сошелъ къ берегу и протаскивалъ челонокъ черезъ тропинку; веревка шлепнула по водѣ.

Тогда показался катеръ съ большою мачтою, а около нея стоялъ высокой блондури молодой человѣкъ; онъ старался разглядѣть, что происходитъ на берегу; катеръ неожиданно стукнулся о тропинку, блондури молодой человѣкъ исчезъ, вѣроятно, упавъ на дно лодки. Послышалась руготня и сдержанный смѣхъ. Хачиоги не сбѣгалъ; онъ поспѣшно взобрался въ лодку и отчалилъ. Больше ничего Бейлей не могъ видѣть, но онъ слышалъ громкіе голоса людей, передающихъ другъ другу приказанія.

Бѣгущая бѣлая фигура приближалась къ берегу. Теперь Бейлей отчетливо видѣлъ, что это одинъ изъ негровъ Фиджибона, подгадавши, что у него въ рукахъ. Трое людей бѣжали другъ за другомъ черезъ ржаное поле, и у одного изъ нихъ было ружье. Они были въ двухстахъ шагахъ отъ негра.

— Силы небесныя! — воскликнулъ Бейлей, — они человѣка травятъ!

Негръ остановился на одно мгновеніе, взглянулъ на правый берегъ рѣки, свернулъ съ тропинки, бросился черезъ рожи и исчезъ. Погоня за нимъ продолжалась; головы и мауціи руки видѣлись надъ рожию и черезъ минуту то же исчезло изъ вида.

Бейлей до того забылся, что сталъ ругаться.

— Исчезли въ самую интересную минуту! — ворчалъ онъ.

Въ воздухѣ проносился крикъ женщинъ, стоны, выстрѣлы, что-то затрещало снаружи на балконѣ. Бейлей привскочилъ.

— Какъ ужасно быть безъ ногъ! — пробормоталъ онъ.

Многое еще было впереди, и многое случилось. Негръ опять показавшись; онъ бѣжалъ по берегу около рѣки, грозилъ кому то своимъ ужаснымъ ножомъ. Бейлей замѣтилъ, что лезвіе тусклое и не блестѣтъ, какъ сталь.

Тогда показался высокой блондури молодой человѣкъ, размахивая лодочнымъ крючкомъ; за нимъ слѣдовало трое матросовъ съ веслами. Человѣкъ въ сѣрой шапкѣ и красномъ поясѣ съ нимъ не было. Послѣ краткаго промежутка, люди съ ружьями показались опять во ржи, но уже близко къ берегу; они бѣжали по тропинкѣ и сбѣжали за другими. Противоположный берегъ былъ опять пустъ.

Бейлей опять сталъ ругаться.

— Все на свѣтѣ далъ бы, чтобы видѣть конецъ этого происшествія! — воскликнулъ онъ. Неслышимъ крикомъ раздались довольно близко на рѣкѣ, потомъ замолкли.

Бейлей сидѣлъ и ворчалъ. Вдругъ онъ увидѣлъ что то черное и круглое среди воды.

— Ого! — воскликнулъ онъ, пристально вылазаясь въ круглое пятно.

Онъ еще недоумывалъ, когда явилась небольшая шайка преслѣдователей; они указывали другъ другу на плавающій предметъ и оживленно между собою толковали. Человѣкъ съ ружьемъ прицѣлился.

— Господи! онъ плыветъ вдоль рѣки! — сказалъ Бейлей!

Негръ обернулся, увидѣлъ ружье и испугался. Когда же выплылъ опять, онъ былъ такъ близко отъ берега противъ Бейлея, что рѣшетка балкона на минуту его скрыла. Въ него выстрѣлили; онъ держался надъ водою, Бейлей могъ разсмотрѣть его мокрые волосы и ножъ въ зубахъ; рѣшетка балкона опять его скрыла.

Бейлею показалось очень обидно, что негръ навсегда, какъ онъ думалъ, исчезъ.

— Не могъ же онъ дать себя схватить на томъ же берегу или застрѣлить въ рѣкѣ? Ужъ очень досадно.

На противоположномъ берегу было пусто. Въ семь часовъ побѣжала, вѣроятно, за лодкою, чтобы перебраться рѣку и исчезла. Бейлей прислушивался и жалелъ. Все тихо.

— Не можетъ же такъ кончиться? — думалъ Бейлей.

Прошло пять минутъ, десять. Двѣ баржи плыли противъ течения; на нихъ люди стояли спокойно, какъ бы не видя ничего особеннаго. Конечно, все дѣло пропало изъ вида. Трава, вѣрно будетъ въ лѣсу, за домомъ.

— Чортъ ихъ добери! — проворчалъ Бейлей, — ничего не увижу. Какъ тяжело больному человеку!

На лѣстницѣ послышались шаги, дверь отворилась; онъ обернулся. Вошла мистриссъ Гринъ, задыхаясь, и въ изнеможении опустилась на стулъ, не снимая шляпы, съ кошалькомъ и корзинкою въ рукахъ.

— О! что случилось! воскликнула она, не прибавляя ничего больше.

— Выпейте воды, — сказала ей Бейлей, — и расскажите, что было.

Экономка выпила нѣсколько капель, стала говорить въ себя и рассказала, что одинъ изъ черныхъ слугъ Фиджибона забѣжалъ и бѣгаетъ съ большимъ ножомъ, убивая людей направо и налево; убилъ грума, пырнулъ бубетника, чуть не отхватилъ совсѣмъ руку одному джентельмену.

— И такъ и думалъ, что это онъ бѣгаетъ съ кинжаломъ, — замѣтилъ Бейлей.

Онъ прятался въ лѣсу, когда мистриссъ Гринъ шла изъ города.

— Какъ? онъ гнался за вами? — спросилъ Бейлей съ нѣкоторымъ юморомъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала она, — всего ужаснѣе, что я проходила черезъ лѣсъ, не зная, что онъ тутъ скрывается; я обо всемъ узнала, только когда встрѣтила молодого Фиджибона съ ружьемъ.

Мистриссъ Гринъ, казалось, жалѣла, что не имѣла случая сильно волноваться, и она старалась придать какъ можно больше драматизма своему разсказу.

— Подумайте, онъ все время былъ тамъ! — б пререпанно повторяла она.

Бейлей минутъ десять терпѣливо ее слушалъ и наконецъ перебилъ, говоря:

— Мистриссъ Гринъ, вѣдь двадцать минутъ второго, не пора ли мнѣ что-нибудь поѣсть?

Экономка внезапно упала на бокаши.

— Ради Бога! не выслайте меня изъ комнаты прежде, чѣмъ его поймутъ! Онъ, можетъ быть, заберетъ въ домъ... поэтеть по лѣстницѣ, по корридуру со своимъ ножомъ, въ эту самую...

Она вдругъ замолкла, разинувъ ротъ, съ ужасомъ глядя въ окно. Бейлей быстро обернулся.

Съ секунду, казалось, ничего не измѣнилось: то же дерево, балконъ, блестящая рѣка, колокольня въ дали. Но тутъ онъ замѣтилъ, что акація качнулась направо, вѣтви трещали, листья шевелились; дерево сильно трясло, слышалось чье-то тяжелое дыханіе.

Еще мгновеніе, и черная рука ухватилась за рѣшетку балкона, лицо негра выглядывало между желѣзными перилами, глаза его смотрѣли на лежащаго больного. Онъ, казалось, мрачно улыбался, держа кинжалъ въ зубахъ, кровь текла изъ раны на его щеку, мокрые волосы торчали какъ рога на его головѣ; панталоны липли къ его тѣлу. Бейлей пытался сарынууть съ постели, ноги его дали ему почувствовать, что это невозможно.

Цѣпляясь за дерево и за балконъ, негръ медленно поднимался; мистриссъ Гринъ, увидя его, глухо вскрикнула, бросилась къ двери, но не могла ее отворить.

Бейлей, быстро соображая, схватилъ въ каждую руку по бутылкѣ лекарства и бросилъ одну въ негра, но она разбилась объ акацію. Молча и рѣшительно, негръ бѣжалъ на балконъ, не слухая гласъ съ Бейлея. Волной, цѣпляясь отъ ужаса, смотрѣлъ, какъ одна черная нога, послѣ другой перелѣзала черезъ перила. Ему показалось, что прошелъ цѣлый часъ, пока негръ другою ногою перенесся черезъ рѣшетку, и дѣлала вѣбность, пока онъ поднимался на ноги. Бейлей потерялъ сознание всего что происходило, только неясно удивлялся, что не въ силахъ бросить вторую бутылку. Вдругъ раздались выстрѣлы; негръ выскочилъ себя черезъ пламя, вымахнулъ руками и упалъ на ложе больного. Мистриссъ Гринъ стала отчаянно кричать. Бейлей пристально глядѣлъ на черное тѣло, лежащее поперегъ его большихъ ногъ, обгряя кровью бѣлую перевязку, потомъ взглянулъ на дѣшій, окровавленный ножъ, лежащій на доймѣ отъ дрожащихъ черныхъ пальцевъ.

Мистриссъ Гринъ, прислонясь къ двери, глядѣла на негра и кричала во все горло. Негра потрясла сильная судорога; онъ схватилъ ножъ, силанся встать, опершись на лѣвую руку, и упалъ. Одно мгновеніе онъ взглянулъ на мистриссъ Гринъ, потомъ на Бейлея, схватилъ оцѣлою рукою, съ отчаяннымъ усиліемъ подвинулся къ послѣдней своей жертвѣ, больно придавивъ ей ноги. Тутъ Бейлей пришелъ въ себя и со всѣхъ силъ бросилъ вторую бутылку въ лицо негра; ножъ съ шумомъ упалъ на полъ.

— Не легко обороняться съ такими ногами, замѣтилъ Бейлей, когда Фиджибонъ и одинъ изъ матросовъ стаскивали съ него мертвое тѣло.

Молодой Фиджибонъ былъ блѣденъ, какъ пологотю.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

— Я не хотѣлъ его убить, — проговорилъ онъ.

зонтъ лѣса изъ г. Архангельска въ Норвегію. Шкуна и грузъ принадлежали архангельской судачкѣ Е. С. Рашниной, отправившей судно подъ командою молодого, но опытаго шкипера Карла Конга съ семью человѣками экипажа. Горючая волна какъ щепку бросила судно, опрокидываясь на его пазубу и разрушая все на своемъ пути. Вскорѣ капитанская рубка была разбита и снесена, лѣвый фальшбортъ оторванъ; немного спустя та же участь постигла и руль. Судно трещало по всѣмъ швамъ. Гибель была неминуема, и это хорошо сознала команда и капитанъ, но до послѣдней минуты не терпѣлъ присутствія духа. Матросы карабкались въ туманы по обледѣннымъ снастямъ и съ неустранимостью, часто поспѣвающею людей въ моментъ самой крайней опасности, работали изо всѣхъ силъ, крѣпя снасти и убирая паруса. Вѣсто руля, по приказанію капитана, на прочной веревкѣ было шаруено за корму трехсаженное бревно, а изъ шаруево оставлены одинъ штормовой стаксель, къ счастью, оказавшійся повывамъ, и судно направлено по волнамъ. Но исполнить все это удалось нѣкою невѣроятныхъ усилій, едва не стоившихъ жизни двумъ матросамъ. Едва судно потеряло руль, какъ его поставило поперегъ волны и подвѣло странной боковой качкѣ. Въ это-то мѣнѣтъ сквозъ реву урагана капитанъ услышалъ отчаянный крикъ, и вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ матросовъ подбѣжалъ къ нему и сообщилъ, что двое изъ товарищей смыты за бортъ. Но причина аской темноты и сибяной мглы невозможна было видѣть, что дѣлается вокругъ, а потому о спасеніи погибавшихъ нечего было и думать; но то, что затѣмъ случилось, было до того невѣроятно, что повергло въ удивленіе всю команду. Когда судно, получивъ размахъ въ противоположную сторону, чернуло тѣмъ бортомъ, за который свѣтлѣли матросы, обдавша пазубу волна выбросила ихъ обратно на судно, причѣмъ одинъ изъ нихъ оказался крѣпко ухватившимся за шарусную шкотъ, между тѣмъ другой спасся, благодаря лишь счастливой случайности, попавъ при паденіи за бортъ на гребень обратной волны, обдавшея пазубу. Въ эти событія, по словамъ команды и капитана, чередовались съ невѣроятною быстротою, и они почти не замѣтили, какъ пролетѣла ночь. Около 5 1/2 часовъ утра мачты нѣсколько утихла, и въ полумерѣ отъ судна имъ показались высокой пустынный берегъ, а немного спустя судно ударилось о грунтъ, саженихъ въ 15-ти отъ береговой скалы. Тогда была срублена передняя мачта и повалена такъ, что между судномъ и берегомъ получился нѣкоторое подобіе моста, по которому команда и перейрталась на землю. Невозможно описать радость людей въ первый мнуды спасенія; по это настроеніе вскорѣ смѣнилось уныніемъ, когда всѣ узнали отъ капитана, что они находятся на огромномъ необитаемомъ полуостровѣ Канниъ и что ждать отъ кого-либо помощи нѣтъ никакой надежды. Между тѣмъ, въ этихъ широтахъ уже начиналась зима, теплая одежда матросовъ погибла вмѣстѣ съ капитанскою рубкою, а та, въ которой они остались, состояла изъ легкихъ куртокъ и флажеловыхъ рубахъ. Къ тому же, запаса провизіи, состоявшей изъ морскихъ сушарей, могло хватить всего лишь на трое сутокъ. Было надѣ чѣмъ задуматься. Тонительно прошель день, но и наступившая за нимъ ночь не принесла поноя: несмотря на страшное утомленіе, почти никто не могъ сомкнуть глазъ, до того перспектива почти невозможной голодной смерти въ пустынной тундрѣ пугала каждого. На общемъ совѣтѣ рѣшено было на слѣдующее утро выступить въ путь по направленію къ югу, придерживаясь западнаго берега полуострова.

Было до 8° мороза и еще едва брезжили утренній свѣтъ, когда команда, во главѣ съ капитаномъ, тронулась въ путь. Пропитанная водою болѣе чѣмъ на полъ аршина въ глубину и сверху покрытая слоемъ ледяной коры тундры, по которой пришлось идти, дѣлала мучительнымъ каждый шагъ путниковъ. Въ особенности страдали трое матросовъ, обузтыхъ въ штіблеты; штаны ихъ намочили и вскорѣ замерзли по самымъ коблямъ, затѣмъ покрылись толстымъ слоемъ грязи, трудностямъ пути, чѣмъ далѣе они шли, прибавлялись все новыя и новыя. Тундра оказалась пзрызанною массою быстрыхъ ручьевъ въ глубокихъ балкахъ, которые приходилось или обходить или переходить въ бродѣ. Къ вечеру поднимался мятель, застилавшая глаза, холодъ усиливался. Ставилось уже темно, когда они добрались до рѣчки «Буррицы», на берегу которой и рѣшили заночевать. Измученная, голодная, продолжительности пути, чѣмъ далѣе они шли, продрогли до костей, они расположились здѣсь подъ открытымъ небомъ, разведя большой огонь изъ «плавней» (лѣсъ выброшенный моремъ), къ счастью, найденымъ ими на морскомъ берегу. Слѣдующіе два дня прошли точно такъ же, какъ первый. Въ течение этихъ трехъ дней они стѣлали около 100 верстъ. Утромъ четвертаго дня капитанъ объявилъ матросамъ, что изъ провизіи у него осталось три сушары, которые тутъ-же и подѣлены были поровну между всѣми, — и что съ этой минуты онъ отказывается руководить ими, а потому каждый долженъ заботиться о себѣ самъ и спасать свою жизнь, какъ заблагоразсудитъ. На этотъ разъ всѣ пожелали слѣдовать за капитаномъ въ послѣдней возможности, только одинъ изъ матросовъ поирѣвъ отказався идти впередъ, потому что между голыми и ступнями его ногъ, изрѣзанныхъ льдомъ, образовались сплошныя язвы и идти далѣе онъ не могъ. Рѣшено было взять его съ собою и нести, пока хватить силы. Около полудня на горизонтѣ замѣчена была какая-то постройка, стоявшая на возвышенности. Это обитательство придало бодрости несчастнымъ, и они направились къ ней. Постройка оказалась небольшою часовнею, въ которой висѣло нѣсколько иконъ съ приабливленными въ нимъ носоконны свѣчами, и даже имѣлось кадка «мача») и ладанъ. Здѣсь въ горничей молитвѣ къ небу были излиты нимъ всѣ страданія, и всера надежда на спасеніе снова загорѣлась въ сердцахъ. Послѣ общей молитвы лютеранъ и православныхъ (изъ матросовъ было трое лютеранъ, не считая капитана), когда всѣ вышли изъ часовни, капитанъ замѣтилъ въ глубинѣ тундры какую-то черную точку и, посмотрѣвъ въ бинокль, убѣдился, что это небольшой амбаръ. Когда онъ рѣшилъ идти къ амбару и заночевать тамъ. Питеро изъ команды послѣдовали за нимъ, между тѣмъ какъ двое предпочли продолжать путь далѣе.

Добравшись до амбара, путники были несказанно обрадованы новымъ открытіемъ, послужившимъ для нихъ исходнымъ пунктомъ къ спасенію: въ низинѣ тундры, саженихъ въ ста отъ постройки, разбитъ былъ самобѣдой чумъ и изъ него шелъ дымъ. Всѣ, конечно, бросились къ чуму, глубоко сожалея объ ушедшихъ товарищахъ. Чумъ оказался принадлежавшимъ самобѣду Евсею Алексѣеву Ардееву, семья котораго была дома, а самъ онъ, по словамъ жены, ухаживалъ верстъ за 30 дѣлать сапи и вернется не раньше ночи. При появленіи незнакомцевъ, дѣти Ардеева разбѣжались изъ чума по тундрѣ, какъ испуганные зайчата, такъ что матери сполно большого труда замятихъ ихъ снова въ чумъ. Здѣсь путники обогрѣлись, отдохнули и рѣшили

ждать хозяина. Самобѣда, которую просили съѣздить за двумя товарищами, безъ мужа не смѣла ничего предпринять и держалась въ сторонѣ. Къ ночи вернулось и самъ хозяинъ. Встрѣтивъ у себя нежданныхъ гостей и выслушавъ ихъ, онъ принялъ самое горячее участіе въ ихъ судьбѣ. Онъ тотчасъ же предложилъ имъ переодѣться въ его одежду, которыхъ у него нашлось достаточный запасъ, развѣсить сушить у разведеннаго огня ихъ обледѣвшіе и мокрые костюмы, при- казалъ жечь испечь горячій хлѣбъ, заколосъ оленя и устроилъ настоящий пиръ. Узнавъ отъ путниковъ, что двое ихъ товарищей пошли далѣе, онъ вызвался на завтра, чуть свѣтъ, отправиться за ними на поиски и къ ночи слѣдующаго дня они были уже вмѣстѣ съ ними. И все это дѣлалось Ардеевымъ безкорыстно, радостно, какъ будто помогать людямъ, такъ неожиданно попавшимъ въ его чумъ, доставляло ему величайшее наслажденіе. Черезъ два дня, по просьбѣ г. Конга, Ардеевъ вмѣстѣ съ боиномъ и двумя матросами отправился на лѣсто крушій шкуны и черезъ 10 дней привезъ отсюда все, что можно было снять съ судна. Все это время матросы жили на его средства, ѣли его хлѣбъ, и онъ заботился о нихъ, какъ о родныхъ. Наконецъ, у него истощились запасы муки и онъ предложилъ имъ питаться однимъ оленьимъ мясомъ: другой провизіи у него не было. Такъ прожила команда втеченіе 12-ти дней подъ гостеприимной кровлею Ардеева; въ эту пору большие поправились и понабрались силъ. Надо было подумать о возвращеніи въ Архангельскъ. Тотъ-же Ардеевъ вызвался доставить ихъ въ г. Мезенъ, несмотря на то, что въ эту пору года ѣзда по тундрѣ представляла невѣроятныя трудности для оленей. Въ назначенный для отбѣзда день, послѣ обильнаго завтрака, чуть было не случилось несчастіе: одна изъ оленей въ запряжкѣ, и повѣвъ тронулась къ югу. Двадцатидневъ ѣхали они до Мезеня, и Ардеевъ неизменно служилъ примѣромъ человеколюбія для всѣхъ. Когда прибыли въ Мезенъ, оленя Ардеева — единственное его богатство — представили изъ себя скелеты. Такимъ образомъ, Ардеевъ до конца выполнилъ свою миссію. Но онъ хотѣлъ дожидаться отбѣзда изъ Мезеня своихъ гостей, а потому не тотчасъ-же возвратился въ свои родныя тундры. Между тѣмъ положеніе г. Конга и его команды, нацѣвавшихъ, что добравшись до Мезеня, они найдутъ въ мѣстныхъ представителѣхъ администраціи и купечества всякое содѣйствіе къ возвращенію въ Архангельскъ, вновь стало критическимъ. У него, во-первыхъ, не было денегъ, чтобы хоть что-либо дать Ардееву и тронуться далѣе въ путь; во-вторыхъ, если отдать Ардееву тѣ его костюмы изъ оленьей шкуры, въ которыхъ ѣхала команда, то матросы вновь останутся въ своихъ курткахъ; а потому г. Конгъ обратился сначала въ мѣстную полицію съ просьбою объ оказаніи содѣйствія по снабженію матросовъ одеждою, а затѣмъ въ мѣстнымъ купцамъ, просилъ ихъ снабдить его деньгами: дня на три, при чемъ объяснилъ имъ, что отправилъ телеграмму въ Архангельскъ и ждетъ отсюда перевода денегъ. Но ни полиція, ни купцы не сбѣлали для него ничего. Одинъ купецъ предложилъ, впрочемъ, подѣлать его золотыхъ часовъ и перстня, но этимъ и ограничилось участіе къ потерпѣвшимъ со стороны недикарей. И вотъ тогда же Ардеевъ, узнавъ обо всемъ, безъ малѣйшаго колебанія со стороны Конга, предложилъ командѣ пользоваться его обувью и одеждою до самаго Архангельска, не требуя за это никакого вознагражденія, а просилъ лишь возратить его вещи, какъ только онъ будутъ имъ не нужны. Прощаніе команды съ Ардеевымъ было тро-

ДИКАРЬ.

Въ ночь на 29 сентября 1898 г. холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, превратившійся въ штормъ, сопровождаемый снѣжной мятежью, бѣшено гналъ къ сѣверной оконечности Канниа полуострова небольшую двухмачтовую шкуну подъ названіемъ «Золотца», шедшую съ гру-

Г-жа Чернецкая, пианистка.

гательно, как и вся его заботливость о несчастных. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, перецѣловалъ всѣхъ, а г. Конгъ предлагалъ даже вернуться съ нимъ и поселиться въ тундрѣ, чтобы учить тамъ грамотѣ его дѣтей. Надо замѣтить, говорить «Недѣля», — что Ардеевъ самоучкой выучился читать, и его страстное желаніе заключалось въ томъ, чтобы всѣ его дѣти были грамотны. Та часовня, которую впервые увидѣли матросы, была дѣломъ его рукъ и выстроена изъ плавней.

По возвращеніи въ Архангельскъ, злополучная команда была, въ концѣ-концовъ, обижена расчетомъ со стороны судовладѣлицы, такъ что трое латышей-матросовъ и до сихъ поръ не имѣютъ средствъ для выѣзда изъ Архангельска на родину въ г. Нарву.

Въ благодарность за содѣйствіе и на память г. Конгъ послалъ Ардееву въ подарокъ винтовку-берданку и 200 патроновъ, потому что завѣтною мечтою самоѣда было — купить себѣ такое ружье, одинъ стволъ котораго былъ винтовка, а другой дробовка. Къ сожалѣнію, г. Конгъ не могъ приобрѣсть въ Архангельскѣ и послать своему другу такого ружья.

Первая международная выставка кошекъ.

Нашъ вѣкъ не даромъ принято называть вѣкомъ выставокъ. Дѣло дошло до того, что задумали устроить международную выставку кошекъ, и эта мысль нашла себѣ осуществленіе въ устройствѣ подобной выставки въ Дрезденѣ въ текущемъ мѣсяцѣ. Выставка, продолжавшаяся пять дней, состояла подъ предѣлательствомъ извѣстнаго покровителя кошекъ Иосифа Флеша, принимавшаго уже неоднократно участіе въ подобнаго рода частныхъ выставкахъ. На дрезден-

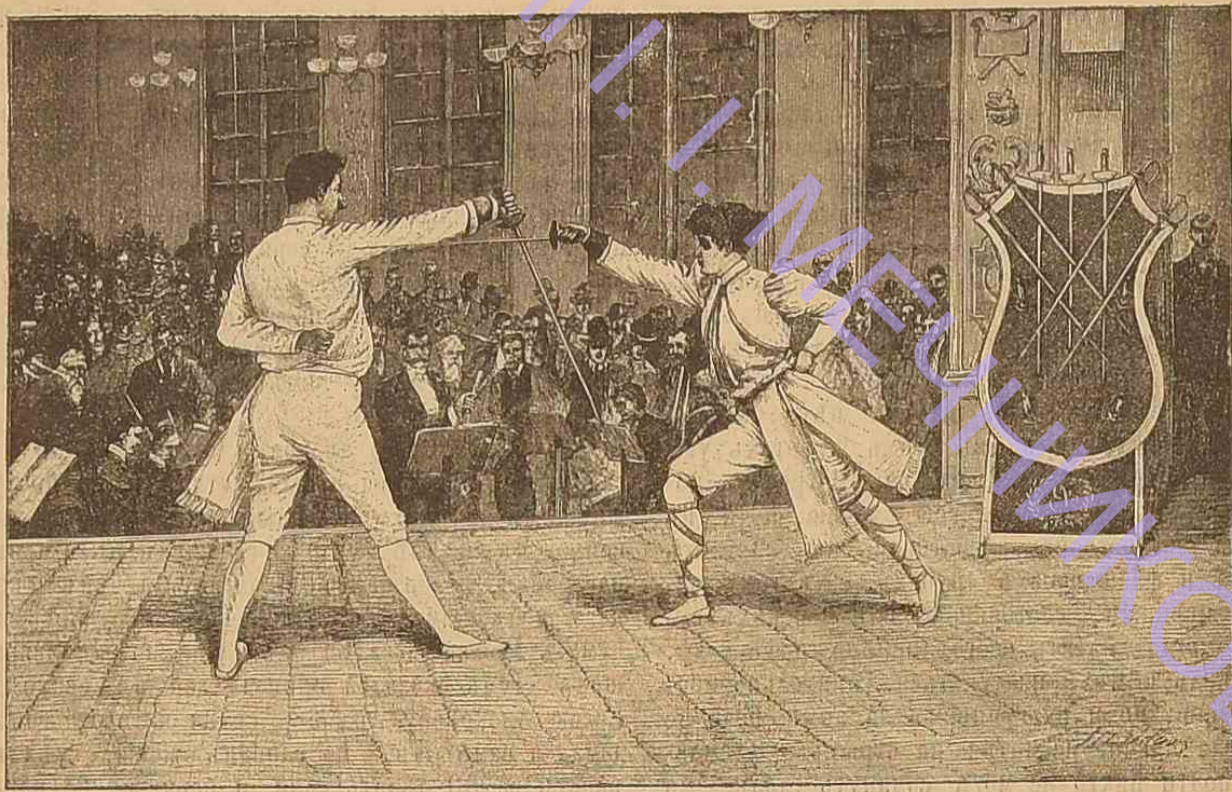
ской выставкѣ экспонировано было 12 различныхъ породъ кошекъ въ количествѣ 110 экземпляровъ. Наша домашняя кошка имѣла 64 представителя, окрашенныхъ въ 70 цвѣтовъ. Другія породы кошекъ были представлены въ незначительномъ количествѣ. Испанская кошка съ стройнымъ туловищемъ и худой головой фигурировала только въ единственномъ числѣ. Америка прислала трехъ крупныхъ, сильныхъ представителей — кошекъ. Отъ персидскихъ кошекъ явился одинъ крупный красивый котъ съ длинной шерстью. Смѣшанныя породы также экспонировались на дрезденской выставкѣ. Чистая ангора фигурировала въ количествѣ 22 экземпляровъ. Стоимость одного девятилѣтняго, трехцвѣтнаго кота опредѣляется въ 2000 марокъ. Самымъ красивымъ животнымъ на выставкѣ былъ трехлѣтній темноглазый ангорскій котъ, который оцѣнивается въ 2500 марокъ. Преміями для экспонентовъ выставки служили золотыя, серебряныя и бронзовыя медали, а также почетныя дипломы.

Разныя разности.

Богатства англійской королевы. Королева Викторія англійская, пользующаяся репутацией огромной богачки, подвѣка не только расчетливо, но даже скупно распоряжавшаяся своими доходами, не могла бы соперничать съ м-ромъ Гиллемъ, если бы нѣкій Джорджъ Нейльдъ, сынъ богатаго ювелира, удачно увеличившій обширную торговлей отцовское наслѣдство, умирая бездѣтно, не завѣщала ей всего имущества съ просьбой въ завѣщаніи, чтобы „ея величество распорядилась имъ по своему усмотрѣнію, но исключительно на нужды свои или членовъ своего семейства“. Подлѣ ликвидаціи оказалось, что Д. Нейльдъ оставилъ

500,000 фунт. стерлинговъ. Королева не тронула за 46 лѣтъ ни одного пенни даже изъ процентовъ, и нынѣ этотъ фондъ сталъ утроеннымъ. Завѣщаніемъ принца супруга Альберта королевы Викторіи было отказано 600,000 фунтовъ. Мать ея, герцогиня Кентская, завѣщала ей годовую ренту въ 8,000 фунтовъ. Герцогство Ланкастерское даетъ ей 50,000 фунтовъ въ годъ. Земельныя имѣнія королевы, пространствомъ 87,372 акра, приносятъ 25,000 фунтовъ годового дохода. Лично ей принадлежація и никакого дохода не приносяція драгоценности превосходятъ стоимостью полмилліона фунтовъ. Коллекція старинныхъ кружевъ оцѣнивается въ 250,000 фунтовъ. Во всякомъ случаѣ, королева Викторія богаче всѣхъ своихъ подданныхъ. Она богаче самаго богатого изъ англичанъ — герцога Вестминстерскаго.

Нечувствительность ежа къ нѣкоторымъ сильнымъ ядамъ доказана теперь многочисленными изслѣдованіями, недавно законченными подлѣ руководствомъ проф. Эриха Гарнака, въ фармакологическомъ институтѣ при Галльскомъ университетѣ. Опытами выяснилось то замѣчательное явленіе, что по отношенію къ ядамъ, хотя бы и сильнымъ, но животнаго происхожденія, ежъ гораздо меньше чувствителенъ, чѣмъ какою бы то нибыло другое теплокровное животное, тогда какъ къ растительнымъ ядамъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже болѣе чувствителенъ, по сравненію съ прочими теплокровными животными. Ежей пробовали отравлять кантаридиномъ (ядовитый алколоидъ, заключающійся въ испанскихъ мухахъ), но ядъ не дѣйствовалъ, тогда какъ аналогичное ему по дѣйствию на слизистую оболочку кроконовое масло дѣйствовало необыкновенно сильно. Подобную нечувствительность по отношенію къ кантаридину проф. Гарнакъ наблюдалъ у нѣкоторыхъ птицъ. Куры, наприм., могутъ безнаказанно проглотить большое количество испанскихъ мушекъ и даже кормиться ими, но мясо такихъ куръ, будучи съѣдено кошкою, вызываетъ въ организмѣ послѣдней сильнѣйшее воспаленіе, оканчивающееся полнымъ отравленіемъ. Что касается нечувствительности ежа къ животнымъ ядамъ, то, по мнѣнію изслѣдователя, она объясняется исключительно родомъ пищи, которою ежъ поддерживаетъ свое существованіе. Этимъ же, по словамъ названнаго германскаго ученаго, объясняется и тотъ фактъ, что козы безъ вреда для себя поѣдаютъ траву наперстянку, кролики — листья белладонны и т. д.

Знаменитые фехтовальщики г. Сюливанъ и г-жа Аракка.